

УДК 930

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-18-23

АЗБУКА МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

М. П. Лантева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
modhist@yandex.ru

Воспоминания о профессоре Л.Е. Кертмане структурированы в формате небольших словарных статей, представляющих «азбуку» его важнейших профессиональных и личных качеств. Представлены мемуарные образы о годах совместной учебной и научной деятельности, даны зарисовки проявлений его характера, особенностей коммуникации, интересах и привязанностях. Акцентируется внимание на таких профессиональных предпочтениях ученого, как англоведение, методология, теория и история культуры. Поставлена проблема специфики творчества академического историка, работающего в контексте закрытого провинциального советского города, и тем не менее получившего известность далеко за его пределами.

Ключевые слова: Лев Ефимович Кертман, воспоминания, творчество ученого, личность историка, методология истории.

АНГЛИЯ – это многолетняя любовь Льва Ефимовича Кертмана, его профессия и территория его научных интересов. Исторические события в этой стране, процессы, проходившие в ней на протяжении многих веков, кризисы и достижения культуры, ее политические деятели, их успехи и неудачи стали темами его книг и статей. Особую известность из работ Кертмана по истории Англии получили книга о Чемберленах [Кертман, 1990], изданная уже после его ухода из жизни, и вузовский учебник [Кертман, 1979], ставший библиографической редкостью, несмотря на два издания. Крупный советский историк М.А. Заборов, автор увлекательных исследований по истории крестовых походов, назвал книгу по истории, географии и культуре Англии «блестящей и превосходной» [Историк..., 2006, с.423]. Только увидеть Англию Кертману не удалось, так как время его жизни и порядки в Советском Союзе, были неподходящими для осуществления такой мечты.

БЛАГОРОДСТВО – одна из черт характера Кертмана. Мы – его студенты, аспиранты и сотрудники – ощущали это качество Льва Ефимовича почти постоянно. Оно проявлялось в некотором снисхождении к нашим явным недостаткам и неумелостям, о которых, тем не менее, он не забывал и даже не всегда прощал, ибо умел добиваться изменений (нас и наших текстов) в лучшую сторону. То, что схожие впечатления от общения с профессором остались не только в моей памяти, подтверждают и слова последнего аспиранта Кертмана о его «ненадрывном» превосходстве» и безмерной снисходительности [Ровный, 2012, с.29].

ВЕРОЯТНОСТЬ – одно из понятий, получивших в XX в. широкое распространение в самых разных науках. И не только математики, генетики или физики активно использовали эту категорию. Для историка Кертмана этот термин стал ключевым в его подходе к проблеме исторических законов. Вероятностный характер исхода исторических событий – одно из положений современной синергетики. Лев Ефимович раньше других историков сумел сосредоточить на нём свое внимание, справедливо полагая, что события и процессы в истории трудно понять без привлечения такой категории, как вероятность.

ГЛУБИНА – меня всегда поражала не только и не столько широта его знаний и интересов (эрудитов в университетской среде немало), сколько их глубина. Она выражалась в умении глубже, чем другие, зарыться в суть любой проблемы, в отсутствии поверхностного подхода и отношения к любым научным и жизненным ситуациям. Впрочем, ещё точнее об этом написала моя коллега, подчеркнув присущую Кертману «гармонию глубины и легкости» [Оболонкова, 2012, с.32].

ДОЧЬ – Лина даже внешне очень похожа на отца. Она унаследовала от него много талантов – обилие интересов, доброжелательное отношение к людям, умение глубоко проникать в суть и смысл того, чем часто занят ее пронизательный ум, и, главное, дар писателя. Лев Ефимович был горд и счастлив, когда дипломная работа дочери получила золотую медаль на всесоюзном конкурсе. Вопрос о вручении наград в 1966 г. решался в Киеве, в том самом университете, где еще работали люди, клеймившие его и его жену, изгнавшие их в 1949 г. Работы были представлены под девизами, а фамилии авторов стали известны только после принятия решений. «Как веселились мы,

представляя реакции тех людей, так неожиданно увидевших давно знакомую фамилию!» [Кертман, 2012, с. 20] Ныне дочь Льва Ефимовича - известный литератор, автор нескольких книг и статей о творчестве и жизненном пути М.Цветаевой и С.Эфрона. Сейчас она работает над «Книгой дочери», посвященной отцу.

ЕДИНСТВЕННЫМ человеком, кого многие знания не вводили «во многую печаль» (опять же в моем восприятии), был Кертман. Он любил повторять, что не бывает безвыходных ситуаций (просто мы еще не нашли выход). Его «единственность», или уникальность, была очевидна для всех, кто с ним общался, не нуждалась в доказательствах еще и потому, что далеко не всё можно выразить словами. Много в этом тексте будет связано с ощущениями, проверенными временем.

ЖЕНА – как удивительно совпадали такие, на первый взгляд, несхожие люди, как обаятельный оптимист Лев Ефимович и внешне строгая, слегка резкая пессимистка Сарра Яковлевна. Однако неслучайно они в любви и взаимопонимании прожили полвека. Аспирантки, лаборантки, вообще весь женский состав кафедры Кертмана имели немало возможностей убедиться в том, насколько С.Я.Фрадкина умнее, лучше, этически и даже эстетически выше каждой из них. Перед нами был такой великолепный образец брачного союза, что однажды я даже позволила себе горько пошутить в кругу соратниц, что этот пример осложнит каждой из нас выбор своих жизненных спутников и отношения с ними.

ЗАБОТОЙ Льва Ефимовича до последних дней жизни была окружена его мама – Мария Самойловна. В молодости она немного занималась политикой, примыкала к эсерам, за что почти год просидела в тюрьме. Но, по словам ее внучки Лины, после замужества «весь пыл и темперамент бабушки был посвящен мужу и детям» [Мир личности..., 1991, с.119]. Именно от матери Кертман усвоил, насколько тепло семейного очага предпочтительней «романтической бездомности» тех, кто презирает «грошевой уют», как пелось в знаменитой песне. Атмосфера его дома на Комсомольском проспекте очаровывала всех, кто при жизни Льва Ефимовича (и даже после его ухода в течение почти полутора десятка лет) имел возможность изредка пребывать в ней.

ИНТУИЦИЮ Кертмана я называю интеллектуальной (даже написала об этом небольшую статью) [Лантева, 2012, с.86–97]. Интеллектуальная интуиция – это высший род познания, когда научные озарения и открытия ученого основаны не только на обширнейших знаниях или добросовестном изучении источников. Вдобавок к ним в его творчестве присутствовал особый дар научного поиска, обусловленного осознанием самых болевых точек общественного интереса к науке и способного аккумулировать знания, выходящие далеко за рамки узкой профессии или специализации.

КИЕВ – дом детства Льва Ефимовича находился на Рейтарской улице этого города. Приезжая в Киев, Лина Кертман часто идет к этому двору, где неподалеку стоят клены, воспетые Пастернаком. Будущий историк Кертман учился в Киевском университете. Позднее он говорил, что уже во время учебы хорошо усвоил, что «невежество – лучший союзник фальсификаторов истории» [Мир личности..., 1991, с.6]. После окончания университета Льва призвали в армию. Полк, где он проходил службу, стоял в небольшом белорусском городке. Там молодой солдат и встретил войну. Второй киевский период его жизни был коротким. Успешно защитив в Казани кандидатскую диссертацию, Кертман стал преподавать в Киевском университете, но в 1949 г. его назвали «безродным космополитом», исключили (по сути, изгнали) из университета. Дальше – ирония судьбы: если бы не эта пресловутая кампания, не видать бы Пермскому университету такого профессора!

ЛЕВ – это не только имя, данное ему родителями. Он обладал многими «львиными» качествами, не будучи «львом» по знаку зодиака. Прежде всего он был «львом» в науке. И так же, как царь зверей, вызывал неизменное восхищение своими талантами у множества людей, имевших возможность общения с ним и по службе, и по дружбе, способных оценить его интеллект и нравственную мощь, его гармоничность и креативность. Довольно долгое время на кафедре Кертмана работали «львы» по своему астрологическому знаку – Н.Ф.Ушкевич и О.П.Малис (а я и до сих пор на этой кафедре). Вроде бы пустяк, а приятно: не только ученица, но еще и «львица».

МЕТОДОЛОГИЯ истории как университетская дисциплина дала Кертману возможность размышлять о наиболее значительных понятиях, категориях и принципах исторической науки. Он начал чтение этого курса на истфаке Пермского университета одним из первых в стране, одновременно с коллегами из Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы. Только в 60-гг. XX в. стало возможно новое рождение специальной методологии, идущей от самой исторической науки, питаемой ее соб-

ственным материалом, а не абстракцией истмата. Принципиально менялся даже стиль исторического исследования. Лев Ефимович не мог не думать о будущих абитуриентах истфака. Именно к ним обращена его небольшая, но емкая по мысли брошюра [Кертман, 1967], где он пытался возбудить в юных умах жажду научного поиска, назвав историю «самым драгоценным достоянием человечества». Чтение курса методологии истории стало своеобразной лабораторией для внедрения новых методов обучения и оценки знаний, в частности, метода работы с малыми группами, широко внедренного на факультете только десять лет спустя.

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ и НОВИЗНА многих идей Кертмана удивляли, восхищали и притягивали к нему не только тех, кто был ему близок по духу и смыслу профессии, но и людей из самых разных социальных слоев. Круг друзей дома Кертмана был широк и разнообразен. Неисчерпаемость той или иной идеи, на мой взгляд, проявляется в том, насколько она вызывает разнообразные отклики и споры. Именно так произошло с идеей о том, чем исторические законы отличаются от социологических законов. Профессор Кертман называл социологические законы законами систем, а исторические – законами ситуаций. Современная синергетика вполне допускает такое толкование. А вот кертмановская идея двух культур в каждой национальной культуре, встретив полное одобрение тогдашних культурологов, насколько мне известно, вызвала возражение только одного историка – В.П.Смирнова [Историк..., 2006, с.424].

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война, поскольку он был ее непосредственным участником, – одно из самых главных событий его жизни. Стихи, которые он писал в госпитале после ранения и контузии, показывают нам, насколько война укрепила его гуманистические убеждения. Это могут подтвердить многие пермяки, ощутившие его влияние. Много лет Лев Ефимович ждал художественного воплощения «солдатской правды» о войне. Он понимал, что должно пройти немало лет, прежде чем опыт юного солдата будет сплавлен с мастерством зрелого писателя. Такая книга была издана уже после смерти Кертмана. Ее написал талантливейший писатель В.П.Астафьев. Не все участники войны оценили правду о ней, изложенную на страницах книги «Прокляты и убиты». Кертман, бесспорно, смог бы оценить. Не дожил он и до публикации «Жизни и судьбы» В.Гроссмана, хотя о существовании рукописи ему было известно и он не раз сожалел о невозможности ее прочитать. День 9 мая стал для него не только главным праздником всей его последующей жизни. Отмечая его, Лев Ефимович размышлял о судьбе страны, о власти, о трагических перипетиях в жизни народа [Лантеева, 2014].

ПОЭЗИЯ много значила для Кертмана, а критерии его отношения к ней, по словам дочери, были неизменно высоки. «Бесконечно близким» ему и «навсегда любимым» с ранней юности оставался Б.Пастернак. Его стихами Лев «зачитывал» друзей и будущую жену [Кертман Лина, с.11]. Строки своей юношеской поэмы «Боль» он читал Пастернаку еще в 30-е гг., а позже неоднократно встречался с ним в Переделкино. После смерти поэта не раз приходил на его могилу. Сохранились свидетельства внимания к стихам молодого Кертмана не только Бориса Пастернака, но и Павла Антокольского и Ярослава Смелякова [Мир личности..., 1991, с.9]. Готовясь к юбилею Льва Ефимовича в 1977 г., мы взяли несколько строк Пастернака для своих поздравлений и лестных для юбиляра сравнений. Это позволило избежать каких-то восхвалений, нередких во время подобных торжеств.

РЕПУТАЦИЯ Кертмана в профессиональном сообществе была безупречной и высокой. Я неслучайно в одной из своих статей о нем, назвала его «провинциалом столичного масштаба» [Историк..., 2006, с.419–430]. На рубеже XX и XXI вв. редакция журнала «Новая и новейшая история» задумала организовать издание текстов, опубликованных в течение многих лет в рубрике «Портреты историков». Книга была напечатана в Иерусалиме, а Кертман оказался единственным провинциалом среди историков Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга – специалистов по всеобщей истории [Портреты..., 2000, с.425–437].

САНГВИНИК. Этот тип темперамента, на мой взгляд, более всего был характерен для Льва Ефимовича, хотя бы уже потому, что его название восходит к латинскому слову, в переводе означающему жизненную силу. Этой силой профессор Кертман был наделен в избытке, но расходовал ее в таком темпе и так нерасчетливо, что хватило только на 70 лет. Он легко менял эмоции, не скрывал негативной реакции, когда был расстроен. Однажды на заседании совета факультета многие коллеги (и он в их числе) проголосовали против продления контракта с одним из доцентов. Таких прецедентов на нашем факультете раньше не было. Я видела реакцию Льва Ефимовича на ре-

зультат голосования: он не ожидал негативного исхода, не предполагал, что окажется в большинстве, видимо, думал, что таких принципиальных членов совета будет немного. Налицо было то, что ныне принято называть «когнитивным диссонансом»: дама не заслуживала продления контракта, но по-человечески ему стало ее жалко.

ТАРЛЕ был научным руководителем кандидатской диссертации Льва Ефимовича. После госпиталя Кертман приехал в Казань, еще на костылях зашел к Е.В. Тарле на пятнадцатиминутную консультацию: они «проговорили два часа, учитель обрел ученика, ученик – учителя» [Мир личности..., 1991, с.11]. Немного позже Лев Ефимович был впечатлен своеобразным устным некрологом, который Тарле произнес на собрании, посвященном памяти недавно ушедшего из жизни крупного историка Д.М. Петрушевского. В этой речи, по словам Кертмана, одновременно и «аналитической, и элегической», Тарле высказал мысль о том, что в своих научных поисках Петрушевский шел не вперед и не назад от какого-то рубежа, а «от известного к неизвестному», и позднее не раз повторял эту формулу в личных беседах. Кертман учился у Тарле пониманию того, что объем знаний ученого – это и важнейший критерий его личности. Благодаря Тарле Кертман усвоил ценность такого жанра исторической литературы и публицистики, как рецензия. Стиль общения Тарле со своими учениками повлиял на выработку собственного стиля Кертмана. А поскольку на кафедральной стене над столом Льва Ефимовича висел портрет Тарле, то нам, ученикам Льва Ефимовича приятно было воображать себя научными «внуками» всемирно известного академика.

УДОВОЛЬСТВИЕ от общения с Кертманом мы получали в любых ситуациях – на его лекциях, на теоретических семинарах для преподавателей факультета, в ходе личных бесед и консультаций или за неформальными разговорами на кафедральных праздниках. Даже редкие проявления его недовольства кем-либо или чем-либо казались совершенно необходимыми и полезными, поскольку не было в них ни гнева, ни оскорбительных намеков на наше несомненное невежество, вероятно, вполне простительное с вершин его великодушия.

ФИЛИГРАННЫЕ таланты Кертмана не сопровождались ни апломбом, ни снобизмом, хотя он не мог не понимать, насколько его научный кругозор превышал обычный уровень преподавателей провинциального вуза. Тем не менее многие студенты, да и собственные аспиранты на первых порах его побаивались, не желая обнаружить скудость собственных познаний или недостаточное умение оперировать теми навыками исторического анализа, которые все-таки у них уже имелись. Образно говоря, ступени лестницы от его квартиры на четвертом этаже были «политы слезами» тех, кто в некотором помрачении слабого ума осмысливал услышанное на консультации, кляня себя за робость невысказанных возражений.

ХАОС исторических фактов превращался у Кертмана не в жесткую систему бесспорных соображений, а скорее в замысловатое кружево связей и вероятных констелляций идей, интересов и действий исторических персонажей. Он не был категоричен: оперировал не столько утверждениями, сколько предположениями. Совершенно в духе и стиле Конфуция мог рассуждать даже о том, чего в подробностях не знал, но мог показать собеседнику возможные тенденции происходивших событий или процессов, исходя из временного или пространственного контекста.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ в XX в. дала много трещин: мировые войны, революции, нацизм, сталинизм и прочие кризисы требовали от историка ответов на самые сложные вопросы времени. Кертман нередко высказывал свое мнение и по теоретическим аспектам цивилизационной проблематики, и особенно по исторической конкретике глобальных проблем. Он был уверен, что именно исторические науки дают гораздо больше материала для их осмысления, чем пресловутый исторический материализм.

«ЧЕЛОВЕК, ставший для окружающих целым миром» – это слова филолога Н.Е.Васильевой о Льве Ефимовиче [Мир личности..., 1991, с.125]. Я не смогла бы так красиво сказать даже о нем, но со смыслом высказывания вполне согласна. В окружении Кертмана было много филологов не только потому, что филологами были его жена и дочь, но и прежде всего потому, что его собственный филологический уровень был вполне профессиональным (кстати, первоначально он хотел в Киеве поступать на филологический факультет университета). К тому же Лев Ефимович был хорошо известен многим сотрудникам университета, дружил с физиками, а уж филологи души в нем не чаяли. Не случайно первую крупную публикацию о Кертмане вместе с историком П.Ю. Рахшмиром подготовили два филолога, хорошо известных в нашем городе, – Н.Н. Гашева и Н.Е. Васильева.

ШЕФ – только так (за глаза) называли его в кафедральном окружении. В СССР это слово широко (как нынче) не употребляли (было в нем что-то несоветское). Применяя его к Кертману, мы, словно бы подчеркивали его принадлежность к европейской жизни и культуре. Конечно, это была и дань уважения ко всем его талантам и качествам. Одновременно устанавливалась солидная дистанция между ним и остальными сотрудниками и аспирантами.

ЩЕДРОСТЬ души – только ли алфавитная форма моих заметок не позволила избежать такого шаблонного и избитого словосочетания? И да, и нет. Да, ибо мне явно не хватило знания «великого и могучего». Нет, потому что в моей жизни не было человека, в такой степени наделенного этим качеством и так много сделавшего для меня, так многому научившего.

ЭЗОПОВСКОМУ языку Кертман, вероятно, учился у Е.В. Тарле – своего учителя – и Т.Н. Грановского – героя своей первой диссертации. Как и они, он жил и работал в условиях авторитарного режима, при жестком контроле идеологии и власти, но при этом не только не хотел отказаться от своих либеральных взглядов, но и стремился сформировать их у других. Поэтому Кертману приходилось прибегать к эвфемизмам, скрытым аналогиям и другим формам своеобразного сопротивления и сохранения своего достоинства, а главное – для возможности высказывать свои мысли [Лантева, 2013].

ЮБИЛЕЙ Л.Е.Кертмана – прекрасный повод для выражения неизменной благодарности человеку, подарившему счастье общения с незаурядным талантом историка и гражданина, научившему свободе ума и совести.

ЯРКОСТЬ личности Кертмана ощущается как гармония красок, эмоций без патетики, без пережестов. Природа воплотила в нем оптимальный вариант интеллигентности и профессионализма.

Библиографический список

- Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск: изд-во Челябинского государственного университета, 2006. 495 с.
- Кертман Л.Е. Пульс эпох: История. Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. 41 с.
- Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М.: Высшая школа, 1979. 384 с.
- Кертман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990. 544 с.
- Кертман Лина. Воспоминания дочери // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып.2(19). С. 9–22.
- Лантева М.П. Интеллектуальная интуиция Л.Е.Кертмана // Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2012. Вып.2(19). С. 86–89.
- Лантева М.П. Лев Кертман: война в его памяти и судьбе // Мы – земляки. 2014. №4. С. 58–59.
- Лантева М.П. Личность и идеи Т.Н.Грановского в восприятии историков разных поколений// Диалог со временем. М., 2013. Вып.45. С. 5–14.
- Мир личности. Творческий портрет профессора Л.Е.Кертмана. Пермь: книжное издательство, 1991. 165 с.
- Оболонкова М.А. Европейский гуманист в Перми // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып.2(19). С. 31–33.
- Портреты историков. Время и судьбы. Т.2: Всеобщая история. М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. 463 с.
- Ровный Б.И. Про погоду...// Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2012. Вып. 2(19). С. 29–30

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2017

THE ABC OF MY MEMORIES

М. P. Lapteva

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
modhist@yandex.ru

Memories of Professor Lev Kertman are structured in the format of small vocabulary articles that represent the “alphabet” of his most important professional and personal qualities. The author presents the memoirs concerning the

years of joint educational and academic activity and gives sketches of manifestations of his character, features of communication, interests and attachments. Attention is focused on such professional preferences of Kertman as the English studies, methodology, theory and history of culture. The author discusses the specifics of the creative work of Kertman who worked in the context of a closed provincial Soviet city and, nevertheless, gained popularity far beyond its borders.

Key words: Lev Kertman, memories, impressions, creative work specificity, character of personality, creativity of a scholar, personality of a historian, methodology of history.

References

- Istoriik v menyayushhemsya prostranstve rossiyskoy kul'tury* [Historian in the changing space of Russian culture] (2006), Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Chelyabinsk, Russia, 495 p.
- Kertman, L.E. (1967), *Pul's epoh: Istoriya* [The pulse of the ages: the History], Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, Perm, Russia, 41 p.
- Kertman, L.E. (1979), *Geografiya, istoriya i kul'tura Anglii* [Geography, history and culture of England], Vysshaya shkola, Moscow, Russia, 384 p.
- Kertman, L.E. (1990), *Dzhozef Chamberlen i synov'ya* [Joseph Chamberlain and sons], Mysl', Moscow, Russia, 544 p.
- Kertman, Lina, (2012), "Memories of the daughter", *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, №.2 (19), pp. 9–22.
- Lapteva, M.P. (2012), "L. E. Kertman's intellectual intuition", *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, №.2 (19). pp. 86–89.
- Lapteva, M.P. (2014), "Lev Kertman: the war in his memory and fate", *My – zemlyaki*, №4, pp. 58–59.
- Lapteva, M.P. (2013), "The personality and ideas of T. N. Granovsky in the perception of the historians of different generations", *Dialog so vremenem*, № 45, pp. 5–14.
- Mir lichnosti. Tvorcheskiy portret professora L.E. Kertmana* [The world of the personality. Creative portrait of Professor L. E. Kertman] (1991), Knizhnoe izdatel'stvo, Perm, Russia, 165 p.
- Obolonkova, M.A. (2012), "European humanist in Perm", *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, №.2 (19), pp. 31–33.
- Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T.2: Vseobshhaya istoriya* [Portraits of historians. Time and fate. Vol. 2: World history] (2000), Universitetskaya kniga, Moscow, Russia; Gesharim, Jerusalem, Israel, 463 p.
- Rovnyy, B.I. (2012), "About the weather...", *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, №.2 (19), pp. 29–30.